

Гуру любви в деле

Автор:

Яна Полунина

Гуру любви в деле

Яна Полунина

Можно не переживать, в такого я точно не влюблюсь! Почему? Да у него есть все, что способно меня оттолкнуть! Индийских кровей – это раз. Обогнал меня в рейтинге лучших личностных тренеров – это два. При всей внешности его зовут Ваня – это три. Ах, да, он мужчина – это четыре! Моя пиарщица бросила ему вызов, а он сказал, что его невозможно влюбить. Что ж, придется ему доказать, что нет ничего невозможного, и вырвать первое место в рейтинге лучших коучей!

Яна Полунина

Гуру любви в деле

Глава 1

– Т-т-та! Можно не переживать, в такого я точно не влюблюсь. – Я сидела на диванчике в углу ресторана, рассматривая поверх меню мужчину за соседним столиком. Дама напротив него сделала мне жест под столом “ок”. Услышала по “уху”.

Почему не влюблюсь? Да у него есть все, что способно меня оттолкнуть!

Индийских кровей – это раз. Обогнал меня в рейтинге лучших личностных тренеров – это два. При всей внешности его зовут Ваня – это три!

Ах да, он мужчина – это четыре!

И он правда поверил, что победил меня, коуча курсов “Пикап для дам”?

Свою усмешку я спрятала от подошедшего официанта за листом меню, а потом с улыбкой положила ламинированный прямоугольник на стол.

– Лосось на гриле со шпинатным соусом, пожалуйста.

Я даже не смотрела цену – запретила себе воскрешать в себе Урюпинск. Я столько работала, чтобы не есть лапшу быстрого приготовления на обед и ужин (завтрака у меня просто не было), что заслужила питаться так, как хочу. А сейчас я хотела рыбки – розовой, сочной, с кусочком лимона на белоснежной тарелке и зеленым озером соуса.

– Простите, вы одна? – У столика встал ухоженный блондин в очках.

Руки в брюки, напряженная линия челюсти, прямой взгляд на меня и слегка зажатая улыбка. Заинтересован, смущен, но решителен.

– Я с рыбкой. Скоро принесут. – Я опустила взгляд, досадливо морщась.

Привычка быть приветливой в личной жизни мешала. Меня вечно пытались склеить. Нужно было ответить более прямо и резко, чтобы сразу отлип.

Я учила женщин, как одним жестом руки приковать внимание мужчины, но сама была одинока, как горная орлица в небе. Не потому, что не могу, а потому, что не хочу.

Потребность манипулировать мужчинами появилась от травмы, и хоть я трижды знала каждую причину своего отстранения, все равно не могла возродить в себе желание иметь хоть что-то общее с сильным полом.

– Я могу к вам присоединиться. От вас словно сияние исходит, так и хочется погреться. – Мужчина уже занес свою пятую точку над стулом напротив, когда я судорожно вцепилась в стол.

Отвечаю, сияние тут же потухло!

– Не стоит. Я хочу побыть одна. – Мило улыбаться уже не получалось: я защищала свою территорию. – Очень устала сегодня.

Блондин медленно моргнул, застыв, а потом резко выпрямился, поправил пиджак и выдавил:

– Простите, не буду вам мешать.

Подбородок выдвинул вперед, когда уходил. Обиделся.

Я встряхнула волосами, разгоняя напряженную атмосферу вокруг меня. Я всегда каменела внутри, когда кто-то делал поползновения в мою сторону.

Я растерла кожу пониже ключицы и заметила взгляд Вани на себе. Мимолетный, будто прикосновение бабочки, но я-то знала, что он успел прочесть меня.

Черт!

Всем кажется, что психологи – это безэмоциональные машины, которые идеально контролируют всех вокруг, ну и, конечно же, себя. Да как бы не так! Может, с другими мы способны держать себя в шипастых перчатках, но только не со своими триггерами и близкими.

Я медленно выдохнула напряжение через нос и обвела взглядом зал, как бы невзначай скользнув по Ване. Гуру любви, как же!

Думал, что отпугнет меня, дав мне человека с глубокими травматическими бороздами детства? Так бы и сказал, что сам испугался, что не справится со Смоловым!

А я справилась, и вот теперь он принял мой вызов и пришел на свидание.

– Ваш чай. – На стол поставили дымящийся чайник с синим напитком. Из васильков, мяты и какого-то секретного ингредиента – то что надо для настроения.

Я наполнила чашку, улыбаясь. Обвела Ванюшку вокруг пальца, а он и не заметил. И какой после этого он гуру?

За столиком напротив мужчины индийских кровей сидела девушка, которая являлась лицом “Пикапа для дам”. Именно она вела тренинги на связи со мной через ухо, именно она проводила прямые трансляции и выступала, по сути, мной.

Зачем? Просто в нашем мире полно мужчин, для которых женщина-коуч – это вызов. Завалить ее – это же как убить мамонта на охоте. Почетно. Уважаемо. Гордо. Почесательно для чувства собственного величия.

А еще покоренные моими ученицами мужчины иногда мстят. Не все девушки чисты помыслами и используют знания ради любви, многие – ради выгоды.

А я не могу терпеть посягательства мужчин на меня, предпочитаю сама быть охотником. Вот как сейчас!

Моя подстава мило ворковала с гуру любви, а он держался дружелюбно, но дистанцированно. Что ж, профессионально!

А вот то, что не раскусил, что дама напротив ни разу не психолог, а пиарщик от бога, плохо. И этот Ваня сказал, что его невозможно влюбить? Кажется, он о себе слишком высокого мнения!

Я закатила глаза, а когда опустила взгляд, напряглась. Блондин в очках наклонился к официанту и показывал на мой столик. Не сдался!

– Бело вино для вас в подарок от мужчины в сером костюме.

– Я не приму. Не стоит, – сказала официанту, а блондину показала жест перекрещенных рук.

Стоп. Не подходи ближе. Хватит.

Блондин досадливо отвернулся, одернул еще раз полы пиджака и посмотрел на меня исподлобья.

Да что я ему сдалась? Видно же, что для самого нервно прилюдно обхаживать женщину. Неужели только что с тренинга “Как в два счета получить любую женщину”? Вроде выбирала ресторан подальше от офисных центров и концертных залов.

Заказанная рыбка пахла просто прекрасно, и я мысленно отгородила себя стеклянными блоками от блондина. Вооружилась вилкой, отловила мягкий кусок лосося и окунула в шпинатный соус.

М-м-м...

Я прикрыла глаза в блаженстве, а когда открыла, то рыба встала комом в горле. Блондин сидел напротив меня. Застал врасплох.

Тихий, как волк в лесу. Когда только успел подобраться?

– Я себе не прощу, если так быстро сдамся.

Я стала искать в его поведении маниакальные признаки, но ничего не заметила. И голова двигается: то подается чуть вперед, то назад. И руки – пусть и спокойны, но не сжаты в кулаки. Плечевой пояс расслаблен. Взгляд с трудом, но с меня смещает.

Но все это не мешало капле холодного пота потечь по моему виску. Я закрыла на секунду глаза, стараясь взять под контроль расшалившийся пульс, и медленно выдохнула воздух через нос.

Как же я не люблю, когда не успеваю подготовиться к мужской атаке. Моментально чувствую себя беспомощной, а страх липким покрывалом закручивает меня в кокон.

Софа, ну что ты? Давно же можешь общаться с мужчинами и даже не показывать, как тебя это нервирует. Что не так?

Я покопалась в себе и нашла причину. Этот блондин слишком похож на него – на мой кошмар. Кошмар, который я обуздала, победила, но который иногда вот такими проколами врывается в мою размеренную, защищенную жизнь.

Так, нужно чуть расслабить руку с вилкой, положить на стол и уверенно и твердо дать от ворот поворот, глядя прямо в глаза мужчине.

Прямо – это самое сложное для меня, когда охотник не я.

Я подняла взгляд и встретила с жадностью блондина. Неожиданно он коснулся меня своей ногой под столом, и это словно высосало весь воздух из моих легких. Я сжала край деревянного стола и почувствовала, как выворачивается длинный ноготь. Больно, но я была не в силах ослабить хватку. Меня словно за волосы оттащило на двадцать лет назад, и я стала задыхаться.

Ненавижу блондинов. Ненавижу его.

Черт, давно у меня не было рецидивов... Как не вовремя!

Блондин вскочил, а я мысленно орала: “Нет! Сядь! Не подходи!”

И будто не могла вдохнуть, легкие словно схлопнулись и не раскрывались. В ушах зашумело, а окружающий мир размазался. Казалось, что я уменьшилась в размерах, а все стало огромными и надвинулись на меня темными тенями.

Здравствуй, паническая атака!

Я буквально заставила себя провести пальцем по рельефному рисунку колец слэба. Дерево, твердое. Сколько в нем прожилок... не могу сосредоточиться! С силой опустила руку на колени и вцепилась в край платья, отделанного кружевом, зажимая ткань между пальцами, чтобы прочувствовать его структуру. Невесомое плетение порвалось от касания, зато я почувствовала тонкие нити рисунка. Это главное. Отлично, я заземлилась. Так, теперь запах. Тут же была моя рыбка. Нужно сосредоточиться и отделить этот запах от всего.

Маленькими вдохами я втягивала себя воздух, пока не почувствовала запах лосося на гриле, кислую нотку лимона и травяную шпината. Лимон! Я зацепилась за него взглядом и стала считать, сколько долек в отрезанной половинке. Раз, два, три, четыре, пять, шесть... Шесть.

Я уже дышала, но этого было мало. Нужен источник света, он мне всегда помогает. Где тут лампы? Ага, вот на стене отлично подходит. Мне всегда помогает солнце или искусственное освещение в пути из темного подвала паники.

За ореолом света я разглядела рисунок Стамбула и стала считать домики, пока не пришла в себя настолько, что поняла, что блондин так и не добрался до цели – до меня.

Медленно сглотнула, заставила себя моргнуть и повернула голову направо. Странно, он же был в сером пиджаке, а недалеко от меня стоит мужчина в черном.

Я подняла взгляд вверх и столкнулась с такими понимающими глазами, что не могла оторвать от него взгляд.

Легкие открылись, я задышала полной грудью и все смотрела в темные, практически черные глаза, что смотрели с участием, но не жалостью. Черты лица потихоньку стали четкими, и воздух застрял в легких.

Иван.

Мужчина встал между мной и блондином, причем спиной к нему, и просто давал мне время прийти в себя, видя, что я справляюсь.

Я нервно облизала губы, кивнув. А Ваня едва кивнул в ответ, развернулся и положил руку на плечо напористого незнакомца. Наклонился к нему, что-то сказал, на что блондин кинул возмущенный взгляд на гуру любви, но ничего не возразил.

Незнакомец вернулся за свой столик, а Ваня сел, подарив мне мимолетную улыбку.

Что ж, он хорош. Я слышала, что гуру любви добрый и отзывчивый, но считала это его образом. Может, глядя на его поступок со стороны, я бы сказала, что это все удачная демонстрация перед девушкой, но я видела его глаза.

А глаза никогда не врут.

Я пришла сюда прощупать гуру любви, а в итоге обнажила свое самое слабое место перед конкурентом. Существует так мало действий, которые мгновенно засасывают меня в прошлое, но блондину удалось попасть прямо в цель, протянув свои ноги ко мне под столом!

Я поморщилась, как от зубной боли, и осмотрела зал, с трудом фокусируя взгляд на реакциях окружающих. Мне повезло, что мало кто заметил происходящее. Лишь соседний столик косился на Ивана и незнакомца с жадным любопытством, ожидая зрелища.

Как хорошо, что в этот раз я смогла быстро выбраться из состояния паники! Годы практики прошли не зря, да и Ваня помог! Вон даже Лиза незаметно показывает класс, с тревогой прощупывает меня взглядом.

Незнакомец уселся на свое место, сердито глядя то на меня, то на гуру любви. Иван вернулся к спутнице и как ни в чем не бывало продолжил разговор. На меня не смотрел, улыбался Лизе и ни одним жестом не выдал возбужденного состояния, присущего человеку после конфликта.

Крепкий, как кокосовый орех. Тактичный, как джентльмен девятнадцатого века. Сильно же придется постараться, чтобы скинуть его с пьедестала.

Раньше эта мысль вызывала лишь согласие внутри, но сейчас я ощутила укол совести. И я знала, откуда это: чувство благодарности не давало со спокойной совестью забыть про мое спасение.

Может, пусть себе стоит на месте, если заслуженно занимает? Что-то я начала сомневаться в правдивости собранной Лизой информации о том, что он хитрый манипулятор и мошенник, да еще и сторонник строгого патриархата.

Именно для того, чтобы самой убедиться в его характеристике, я и пришла сюда. И что же получилось? Передо мной вырисовывался совершенно другой психологический портрет.

Я смотрела, как вытянуто все тело Ивана к Лизе, но при этом улыбка не касается глаз. Он явно привык быть раскованным с людьми, чувствует себя в любой обстановке уверенно и расслабленно. Плечевой пояс не напряжен, руки всегда в направлении собеседника, а уголки губ слегка подняты, как и брови. Будто он привык всегда внимать.

Никакого напряжения бровей, никакой паузы между вопросом – ответом. Речь Ивана текла как из рога изобилия, причем без вычурных слов. Он умел не только говорить, но и слушать болтушку Лизу.

Одежда дорогих марок, но абсолютно не кричащего покроя и вида, что свидетельствовала о том, что Ваня уже все доказал себе и миру. Удобная для его тела водолазка под пиджаком говорила мне о многом.

Я поймала себя на том, что будто попала под его очарование, и отвернулась. Когда я вообще проникалась симпатией хоть к кому-то мужского пола? Разве что к Эдику, но он играет за другую лигу, и я от него не чувствую никакой угрозы.

Так где же тот момент, когда я начала испытывать симпатию к гуру? Нужно с холодной головой подумать над этим и откопать семя, чтобы понять, какого оно вида. Спровоцированная эмоция или искренняя?

Внешность? Нет, меня никогда этим было не зацепить. Разговор? Нет, ораторов на моем пути попадалось немало.

Перед глазами встала фигура гуру любви, закрывающая от блондина, и я поняла. Вот тот момент! Эти движения тела, которые просто защищали, от человека, который не имеет на меня видов.

Так вот почему я поддалась и даю слабину!

Я усмехнулась и покачала головой, глядя на стол. Именно из-за таких моментов я любила психологию. Когда понимаешь корень причины, так легко разобраться

и не свернуть не на тот путь. Когда знаешь, что тобой двигает, легко реагировать правильно и безопасно для себя.

Мне стал симпатичен Ваня потому, что как мужчина на меня не претендовал ни секунды, но защитил от самой большой проблемы в моей настоящей жизни – панической атаки. Можно сказать, она коснулась меня своим бездыханным крылом, да и только, благодаря его правильному поведению относительно меня.

Теперь я смело и открыто посмотрела на столик гуру любви.

Итак, он мне помог, поэтому меня так и тянет его отблагодарить. И я не смогу трезво на него смотреть и понять, мошенник он или нет, пока не сделаю ответный жест.

Что ж, он достойный противник, раз смог расшатать почву под моими ногами.

Я медленно доела ужин, абсолютно не чувствуя вкуса. Я будто ела эмоции, а не еду, чувствовала только их.

Нужно охладиться, смыть с себя онемение и хоть минуту побыть в тишине кабинки.

Дверь уборной захлопнулась за мной, и я открыла кран раковины. Набрала полные ладони воды и окунула нижнюю половину лица в импровизированную ванночку из ладоней. Я старалась не попадать в глаза, чтобы не размазать тушь, и смотрела на свое отражение.

Мне казалось, что на моем лице отображено все, что я сейчас чувствую, поэтому я отвернулась. Оперлась поясницей на раковину, сложила руки на груди и закрыла глаза.

Что-то не давало мне покоя, и я не могла понять что. Будто эмоциональная заноза, что дергала нервную систему, а я не могла найти, где же она вошла мне под кожу.

Что не так? Обычно, когда я ощущала похожую неконтролируемую смену эмоций, потом обязательно находила причину. Так что меня тревожит помимо

приступа панической атаки и неожиданной помощи гуру?

Не пойму...

Время шло, и я уже не могла больше скрываться в холоде уборной. Открыла дверь, шагнула за порог и тут же оказалась прижата к стене. Серый лацкан пиджака уткнулся мне в нос и сжал мои сосуды. Кровь наперла на стенки, пульсируя в ушах.

Икроножные мышцы свело судорогой, колени подкосились, я отвернулась к стене и сползла по ней щекой, пока не оказалась на корточках. Обхватила себя руками, чувствуя жуткий, совершенно необоснованный страх.

Я даже не могла моргнуть!

Грудная клетка ходила дрожью в попытках нормально вздохнуть, а в горле, казалось, застрял крик.

Я не могла воспользоваться своими знаниями, чтобы вытащить себя из второго аута панической атаки, уже более дальнего. Никакой зацепки за звук, за запах, за счет – ничего. Меня словно вновь давило мое прошлое, лепя из меня все, что ему заблагорассудится.

Я с трудом поняла, что блондин не стоит вплотную. Еле заставила себя перевести взгляд и увидела в его руках телефон, направленный на меня.

Мое сознание заметило это, но реакции словно заморозились. Мыслить логически было просто невероятно туго. Но в душе стало так тошно, что меня просто вывернуло.

– Вот что за придурок? – раздалось рядом словно сквозь вату.

И блондин полетел по коридору, сбивая прикрепленные к стене декоративные тарелки.

Звон посуды окончательно добил меня. Я отключилась.

Глава 2

Резкий запах аммиака за шиворот вытащил меня из бессознательного омута и сразу в толчею. Вокруг суетились люди в синих комбинезонах, с ящиками медикаментов. Один из них водил тошнотворным пузырьком у меня перед носом, второй обрабатывал рассеченную голову блондина.

Мимо бодро прошагали темно-синие штаны.

- Пройдемте в отделение!

Я подняла взгляд и увидела, как скрутили Ваню и как заламывает руки Лиза.

- Подождите! - просипела я пересохшим горлом. - Он меня защитил!

- Этот гражданин напал на человека. - Полицейский увещевательно посмотрел на Ивана, который, несмотря на заведенные за спину руки, стоял в гордой позе. - Делить женщину надо не кулаками.

- Вот этот мужчина, - я показала рукой на блондина, тщательно подбирая слова, - домогался меня. В таком ресторане, как этот, точно есть камеры. Посмотрите записи. Официанты подтвердят, что сначала он пытался познакомиться, потом прислать от себя подарок, потом сел ко мне за стол, а в итоге зажал меня в коридоре.

Двое полицейских заметно засомневались, но один из них, что постарше, вдруг сказал:

- Вы пришли в себя? Тогда с нами в отделение поедете! - Он оттолкнул Ивана к коллеге, а сам встал за спиной блондина.

Медбрат поднял голову к стражу порядка.

- Его надо зашивать.

– Хорошо. Значит, через приемное отделение поедем.

Блондин взбеленился: оттолкнул медика, вскочил на ноги и встал глаза в глаза с полицейским:

– Я вызвал вас – и вы же меня обвиняете? Он напал на меня просто так! С ноги!

Иван сжал челюсть и покосился на блондина.

– Товарищ старший лейтенант, если вы проверите видеозапись мобильного потерпевшего, то увидите, что он методично и специально доводил девушку до приступа панической атаки. И я даже более скажу: он точно знал, куда бить.

Гуру любви перевел взгляд на меня, и уголки губ слегка приподнялись.

– Девушка, у вас опасные и беспощадные враги. Кто-то целенаправленно нанял его для того, чтобы сорвать вас. Он снимал это все не для себя, а для заказчика. Во время вашего приступа у него лицо было перекошено отвращением, значит, он не получал удовольствия от процесса. Его мимика – на самом деле скрытый страх и непонимание. Он постоянно отводил взгляд от съемки вниз и вправо, будто напоминая себе, для чего все это переносит.

Блондин открыл рот, но не сказал ни слова. Лиза присела рядом со мной и схватила за руки, а я не могла разжать кулаки. Ваня озвучил причину той самой ментальной занозы, что я чувствовала, но не понимала. Незнакомец действовал слишком точно!

Но кто же мог желать мне зла настолько сильно?

– Он не сдаст заказчика. – Ваня поднял голову к звездному небу над отделением полиции и почесал свои запястья. Он будто обращался сам к себе, но я-то знала, что адресовано это мне.

– Не бойтесь обращаться ко мне прямо. Я не настолько изолирована от мужчин. Он просто ударил по самому больному. – Я встала рядом с гуру любви и сложила

руки на груди.

Дверь позади хлопнула, и я торопливо спустилась на пару ступеней вниз, резко обернулась и с облегчением увидела, что это полицейский вышел покурить.

– Его продержат до утра. Можете не беспокоиться. – Ваня спустился лишь на ступеньку, по-прежнему глядя перед собой.

– Спасибо! Вы сегодня дважды спасли меня!

– У меня была скучная компания. Я как раз хотел размяться!

Лиза – скучная компания? Да она же может говорить обо всем на свете и с кем угодно! Они должны были обсудить между собой предстоящий батл коучей, а это как минимум интересно!

Ваня впервые посмотрел на меня за то время, что мы вышли из отделения полиции.

– Этот враг рядом с вами. Возможно, самый близкий, которого вы даже не можете представить. Он знает ваши самые слабые стороны и точно ударяет по ним. Подумайте, кто это может быть. Кому это выгодно. Не вычеркивайте самые невероятные варианты. И еще запомните: кто будет проявлять больше показного сочувствия, тот, скорее всего, неизвестный.

Я с трудом сглотнула, чувствуя желание вздрогнуть плечами от анализа моей личности. Хотелось в ответ проанализировать его с головы до ног, выдать Ване что-то гневное, но я буквально за шиворот оторвала себя от анализа мужчины.

Нет, это неправильно, меня просто сильно задело внутри случившееся, вот я и воспринимаю совет Вани как попытку проникновения под кожу.

– Я подумаю над вашими словами. – Я в ответ прямо посмотрела в темные глаза Вани, стараясь показать, что я не боюсь, что я сильная состоявшаяся женщина.

– Не воспринимайте меня как врага, раз я стал свидетелем неприятности. Вы умеете справляться с паническими атаками, вы большая молодец. Многие

вообще не знают, как выбраться из болота дрожащего ожидания следующей, а вы и причину знаете, и не избегаете ее! Обращались к психологу?

Я не знала, что сказать. Соврать? А надо?

Ваня не подходил ближе, но я хорошо заметила, как изменился его взгляд.

– Или вы сами и есть тот самый коуч “Пикапа для дам” и вам не нужна помощь специалиста?

Меня словно в криокамеру поместили.

Как? Вот как он все понял?

И такой спокойный, смотрит, дружелюбно улыбается.

– Вы о чем?

– Если хотите, я сразу отрежу хвост, долго не дергая за него: будьте осторожны со своей подругой, которая прикрывает вас. Имплант-семерку дам – это она заказчик вашего сегодняшнего ада.

Меня будто с размаху шипастой дубиной по спине ударили. Воздух будто вышел из изрешеченных легких со свистом возмущения:

– Следите за тем, что говорите! Лиза со мной прошла все круги ада. Она никогда так не поступила бы. Нельзя судить о людях так поверхностно! –

– Отрицание, – кивнул Иван, чем вывел меня из себя.

– Мните себя гуру анализа? Считаете себя великолепным профайлером? Может, в спецслужбы пойдете? Таких там ценят.

– Гнев. – Ваня сложил руки за спиной в замок.

– Кто угодно, но не она.

– А вы подумайте, кто знал еще. Скорее всего, вы мало кому рассказывали об атаках, а в особенности об их природе происхождения. Кому, как не ей, вы доверили все самое сокровенное? Знаете, что преступники в основном – это не неизвестные люди, таинственные парни в плащах, а те, кто ест с нами за одним столом, гуляет на детской площадке, работает в одном помещении с нами и мило подносит кофе. Те, кто просыпается с тобой по утрам в одной постели или делит чашку ароматного чая по вечерам за личной беседой.

Полицейский, о котором мы с Ваней совершенно позабыли, согласно крякнул позади нас:

– Правду глаголешь, дружище! Самые жестокие преступления совершают маньяки и родные. Киллеры точны, как нож. Минимум усилий, максимум результата. А вот двадцать ударов в грудь – это только что-то личное.

Я пошатнулась:

– Вы что за ужасы несете? – По коже пошли ледяные паучки. – Повторяю: Лиза никогда не пошла бы на это. Я должна поверить вам на слово?

– Хотите доказательств?

Ваня обернулся к полицейскому.

– Можно мы поговорим с оставшимся?

Мужчина в форме молча кивнул.

Гуру любви движением головы позвал за собой, размашисто вошел в отделение, уважительно кивая сотрудникам правопорядка, и подошел к клетке.

Полицейский, который курил на крыльца, зашел за нами следом и предупредил коллег.

Ваня замер напротив блондина, который сидел на лавке, и спросил:

– Зачем ты украл Лизину цепочку?

– Что? Я ничего у нее не крал! – вскочил тот на ноги.

И Ваня с улыбкой повернулся, вот только не было в его мимике радости, одна грусть и сочувствие.

– Нет. – Я замотала головой. – Ее кто-то подставил! Или заставил рассказать. Может, прикинулся ею, как-то узнав обо мне. Шантажировал! Да! Точно, скорее всего, ее шантажировали...

Я заковырялась в сумке, достала телефон и сжала в руках до белых костяшек.

– Торг – третья стадия. И чтобы вам не свалиться в четвертую, депрессивную, пойдете в мой офис, он недалеко. Охранник центра написал, что там уже два часа под дверями меня ждет девушка. Наверное, она очень нуждается в помощи, раз такая упорная. Не хотите отвлечься?

А у меня в голове обезьянка била в гонг! Бенц! Бенц! Бенц!

Ваня пошел, не дожидаясь моего ответа, а я пустым взглядом смотрела на асфальт.

Нет, не верю. Мне нужно поговорить с Лизой, уверена, что все станет на места.

– Подождите! Я с вами! – Я должна убедить гуру любви, что он ошибался!

– Вы гуру любви? – Девушка в ярко-голубом пиджаке в стиле кэжуал с надеждой посмотрела на Ваню и с любопытством на меня.

Часто моргает, взгляд бегаёт, выдыхает шумно. У нее проблемы.

– Проходите, я вас ждал. – Иван улыбнулся и дал знак охране, чтобы нас пропустили.

Мужчина в форме приветливо кивнул и приложил карту к турникету трижды.

Я наострила уши, слушая впереди идущую пару.

– Меня? Но мы не договаривались о встрече. – Девушка, стараясь поспеть за Иваном, делала шаг шире, чем привыкла. Из-за этого стук каблуков звучал сбивчиво, неравномерно, но так здорово отвлекал меня от собственного монстра паники.

– Вас. Я всегда жду тех, кого можно угостить чаем или кофе. Не откажетесь? – Ваня открыл дверь и пригласил внутрь.

– Не откажусь. Если можно – чай. Зеленый и без сахара. – Девушка решительно вошла внутрь.

Что ж, она намерена разделаться с проблемой, как суши-шеф с рыбой.

– Следите за фигурой? – Ваня протер руки антисептиком, что висел на стене, и знаком показал, что мы можем последовать его примеру.

– Привычка. – Девушка тоже размазала гель по рукам.

– А вы что будете? – спросил меня гуру любви, и тут я вспомнила, что не подслушиваю в “ухе”, не смотрю через камеру, а непосредственно нахожусь в гуще событий.

Для меня немного необычно, но интересно.

– Черный. Крепкий...

– С сахаром, – сказал за меня Ваня, и я удивленно застыла с открытым ртом, а потом кивнула.

– Я вам не мешаю? – Девушка покосилась на нас с Иваном. – У вас прием или свидание?

- Нет, - одновременно ответили мы с гуру любви и засмеялись.

- Это моя коллега. Может, вам будет интересно услышать два мнения? - представил меня без имени Иван.

Чай был разлит в чашки, первые глотки сделаны. Гуру любви молчал, с наслаждением смакуя напиток. Создавалось ощущение, что ему комфортно, будто со старыми друзьями. Неловкость потихоньку рассеивалась, а девушка перестала дергать ногой и тише задышала.

- Дело в том, что сегодня мне сделали уже одиннадцатое предложение руки и сердца в моей жизни, - неожиданно выпалила клиентка, устав ждать наводящих вопросов.

- Вас поздравить или посочувствовать? - с участием взглянул в ответ гуру любви.

- Я сбежала, - обозначила клиентка третий вариант.

- Что ж, вы прибежали по адресу. - Мужчина, в чьих жилах явно текла индийская кровь, показал рукой на кабинет. - Но скажите, что вас так напугало?

- Сама не знаю... - Девушка отвела глаза, а потом встретилась со мной взглядом, будто просила участия.

Я молчала. Не мой кабинет, не мой клиент, не моя территория.

- Ответственность семейной жизни? Или мужчина не тот? - совершенно без напряжения спросил Ваня.

- Я даже объяснить не могу. Ощущение, что на меня накидывают сетку и тащат на дно, поэтому я проскальзываю в лазейку и удираю со всех ног. - Девушка поставила чашку и с просьбой посмотрела на мужчину: - Скажите, что со мной не так?

- А до предложения вам мужчина нравился? - Гуру любви поставил чашку следом.

- Да! - уверенно закивала клиентка.

- Комфортно с ним? - продолжал расспрос Ваня.

- Очень! Но стоило ему завести разговор о браке, на меня напала паника. Что со мной не так?

- В вашей реакции нет ничего необычного, - пожал плечами хозяин кабинета.

- Вы серьезно? - Девушка выпучила глаза и вцепилась руками в свои колени.

- Конечно. Дело в разнице ценностей детства и современного общества.

- Ничего не поняла. - Клиентка посмотрела на меня, будто я была переводчицей.

Гуру любви засмеялся:

- Понимаете, в чем дело, раньше, когда в наших домах не было электричества, а роды представляли для женщины смертельную угрозу, мужчина и женщина заключали между собой семейный договор. Мужчина обеспечивает защиту и еду, женщина занимается детьми, собирательством и поддерживает огонь уюта. Институт семьи иногда качало волнами равноправия, но мужчины крепко удерживали лидерство до того момента, как две мировые войны не подкосили значительную часть сильного пола. И вот тогда женщины были вынуждены выйти на работу наравне с мужчинами, вкалывали по двенадцать часов на заводах. Это мы с вами говорим о наших мамах и бабушках.

- Но мои мама и бабушка всегда твердо поддерживали брак. Я чувствую, что не такая, как они, - замотала головой девушка.

- Правильно! Вы и не можете быть такой, потому что, когда росли и только формировали семью ваши дедушка с бабушкой, в стране железной рукой удерживали институт семьи. Девочки росли, играя только в "девчачьи игры". У них должны были быть косички, бантики и платья. В "дочки-матери" играли во всех дворах. На уроках труда вышивали фартуки и пекли пироги. С младенчества готовили к жизни в семье. Причем женщина, в отличие от прежних времен, должна была работать наравне с мужчиной, а после рабочего

дня заниматься домашними делами. Так восстанавливали страну, не теряя классического положения женщины. Советские фильмы вдалбливали: без мужчины счастья нет. Герои фильмов – простые работяги, в которых влюбляются вполне состоявшиеся женщины, такие как героини фильмов “Москва слезам не верит”, “Служебный роман” и даже разлучница из “Любовь и голуби”. Все они несчастны без мужчины и не чувствуют себя полноценной. Та же Надя из “Любовь и голуби” готова умереть, когда муж ей изменяет. Потом она его прощает, голубит и беременеет снова.

Ваня сделал паузу, и клиентка убрала руки с коленей, откинулась на кресле.

– Какие страсти вы рассказываете. Я вспоминаю эти чудесные фильмы и теперь вижу их совсем под другим углом. Но продолжайте, мне очень интересно.

– Союз рухнул. И вся пропаганда семьи пошла следом. Женщина получила свободу во всех отношениях. Прогресс в этом только помог. Стирает стиральная машинка, моет посуду посудомойка. Убирается робот-пылесос. Можно отдыхать, путешествовать, работать так, как душа желает, даже из любого уголка мира. Молодые девушки стали понимать, что не обязательно выходить замуж и рожать детей. А если хочется малышей, можно родить и для себя, а с мужчинами поддерживать легкие, необременительные отношения.

Девушка вскочила на ноги, смотря на него как на кумира.

– Так вот оно что!

Гуру довольно улыбнулся и продолжил:

– Правда, их просчет выскочит потом, когда ребенок, особенно мальчик, станет взрослеть, и это аукнется большими неприятностями. Но кто об этом думает, пока все хорошо? Вот в этом и заключается реакция вашего отторжения: вы не понимаете, зачем это все, когда и так все прекрасно.

И вот тут уже вскочила я, чувствуя, что закипаю.

Так и знала, то не может он быть таким идеальным! Верно говорила Лиза: он за махровый патриархат!

Я сложила руки на груди.

– Девушка, не беспокойтесь, ребенок без отца может вырасти прекрасным человеком, здоровой личностью и психически, и физически. Один родитель у тебя, два, да хоть три – это не имеет значения. Даже в полноценной семье может быть хуже, чем в приюте.

– София, неудобно разговаривать на разной высоте. Вы сядете или нам встать? – Ваня улыбнулся так, будто и не оспаривал.

А я чувствовала, что у меня каждую мышцу крутит от возмущения. Села, словно состою из камня, неуклюже и посмотрела на перепуганную клиентку.

Испугала ее своим выпадом, но слишком живо на сердце. Слишком триггерит эта тема.

Я вдохнула спокойствие и посмотрела на Ваню, как на главного оппонента.

– Не пугайте девушку, что без мужчины не будет хорошей жизни. Это неправда.

– Я соглашусь, – вдруг сказал Ваня, чем опустил мои плечи вниз и мигом превратил камень в желе непонимания.

– согласишься? – Моргнула.

– Да. Без мужчины можно вырастить полноценного ребенка, и мальчика тоже. Можно и самой обходиться одной и не знать бед. Вот только большинству женщин это не под силу.

Мне снова словно шило под лопатку вставили.

– Другими словами, большинству женщин без мужчины не выжить? Так?

– Нет. – Ваня покачал головой, потянулся за кружкой и медленно сделал глоток чая. – Просто женщина, оставаясь с ребенком на руках, должна выполнять сразу две роли – мужскую и женскую. Быть кормильцем, защитником, вести хозяйство, а еще проверять уроки, не упустить ребенка в сложный период, да и про себя не

забывать. Кажется, мы описали суперчеловека?

Ваня спросил это у клиентки, и у той расширились глаза.

– Есть много женщин, которые справляются с этим. – Я уперла руки в диван, готовая в любой момент встать. – По статистике девяносто пять процентов детей после развода родителей остаются с матерями. Больше половины отцов не поддерживают даже материально, про участие в жизни отпрысков я вообще молчу.

– Верно. – Ваня хлопнул себя по коленям. – И вот остается та самая женщина одна. Тянет на себе столько. А что с ее ментальным здоровьем? Каким ее видит ребенок? Сможет ли она при такой тяжелой жизни сохранить хорошее отношение к отцу ребенка и не настроить дитя против него? Против всех мужчин? Уделить своему сыну или дочери время после полного трудового дня? Будет ли у нее энергия на ребенка? Не упустит ли она трудный момент у подростка? Не отмахнется ли от проблемы?

– А что, мало примеров, когда и мама, и папа работают и у двоих не остается ни сил, ни улыбок для детей? Полно! – Я всплеснула руками.

Знаю, что не нужно жестикулировать при клиентах, но не могу ничего с собой поделаться. Занозисто все!

– Верно. Но таких эгоистов меньшинство. У мамы в полноценной семье нет угрозы остаться без еды, если она выйдет на больничный с ребенком, нет того давления, когда рядом есть тот, на кого можно положиться в трудный момент. Она знает, что может взять перерыв и детям все равно будет что есть, будут деньги на оплату коммуналки, обучения, одежды. Институт семьи создан не только из-за любви, София. Так людям проще выживать.

– Возможно. Меня правда все устраивает как есть. Я не хочу перемен, – вдруг вставила свои пять копеек клиентка, переводя взгляд с меня на Ивана.

Я открыла рот и закрыла, понимая, что слишком увлеклась. Еще чуть-чуть, и я невольно приоткрыла бы свое прошлое для гуру любви. Вон как уже смотрит на меня участливо, будто на клиентку.

– Вы их боитесь. Того, что жизнь бесповоротно изменится. – Ваня улыбнулся девушке так, будто только что со мной не спорил.

Я ощутила себя побежденной. Когда оппонент лучше держит себя в руках, спокойней, он выигрывает.

– Да, пожалуй, так. Я боюсь. Знаете, сколько плохих примеров вокруг? – Девушка, словно извиняясь, посмотрела на меня и пожала плечами. – После брака людей словно подменяют.

Я моргнула. Точно! Она же совсем не о том пришла поговорить, а я зацепилась.

Что же я делаю? Сегодня весь день – провал по всем фронтам. Паническая атака настолько выбила меня в прошлое, что я все никак не могу из него выйти.

Клиентка между тем увидела, что Ваня кивает ее словам, и продолжила:

– Люди иногда не признаются, но я не вижу, что они недовольны жизнью. Наверное, вы правы. Сейчас, когда мы можем выбирать без ущерба для уровня жизни, как жить, хотим для себя лучшего. И часто брак не кажется наилучшим выбором. И... мне стыдно сказать... но дети тоже.

Я видела, как Ваня едва выдал себя – на мгновение поджал губы.

– А вот я согласна с девушкой. – Я сложила руки на груди.

Ваня бросил на меня взгляд-стрелу и уже участливо спросил у девушки:

– Однако вы здесь. Ищете ответ, а не наслаждаетесь свободой. Значит, внутри вас есть дискомфорт. Но отчего он – подумайте. От чувства долга перед обществом? От ощущения, что вы не такая, как все? Или это усталость от смены лиц?

– Я даже не знаю. – Девушка переводила взгляд с меня на гуру любви. – А что думаете вы?

– Человек – социальное создание. Мы хотим быть любимыми, в нас заложены инстинкты размножения. Когда человек одинок, он болеет ментально. Неважно, экстраверт он или интроверт, нам дана речь, чтобы общаться. Мысль, чтобы создавать что-то полезное для общества. Половые различия, чтобы соединяться и получать удовольствие. Нам дана не только любовь для того, чтобы мы размножались с удовольствием, но нам дан целый спектр чувств для взаимодействия с окружающими нас людьми. И он развился у нас в ходе эволюции не просто так.

Я посмотрела на Ваню, и он запнулся. Мой взгляд говорил: ну-ну, подводи девочку к тому, что без мужчины она все равно не сможет.

Клиентка тоже заметила наши переглядки и с любопытством посмотрела на меня.

– А что скажете вы?

И я подвинулась на край кресла. Улыбнулась.

– Сразу оговорюсь, это не ваш случай, но современный мир даже при больших моральных травмах позволяет обойтись без постели. Вы можете общаться, хотите – в реальности, хотите – в виртуальности, тем самым заполняя шкалу потребностей, а ночью игрушки придут вам на помощь.

Ваня так хрустнул шеей, что я испугалась за его здоровье. Моргнула, но продолжила:

– На любой вкус и цвет, любой текстуры и твердости, с кучей функций и даже подогревом. С шариками внутри, с дополнительными...

– Софа! – Я первый раз услышала, как Ваня не контролировал голос.

Какое это крутое чувство – вывести из себя такого спеца. А у клиентки-то глаза загорелись, я видела!

– Что Софа? – Я невозмутимо посмотрела в темные, словно бездна, глаза гуру любви.

Мужика в нем задела – видела. И азарт пробудила – тоже от глаз не укрылось.

Уголки губ дрогнули в улыбке, и я продолжила:

– Так что мы сейчас живем в мире, полном выбора. Если вы чувствуете, что брак вам не нужен, – не ставьте печать. Путешествуйте, знакомьтесь с людьми, живите полной жизнью. Это как если вам нравится самой мыть посуду – мойте. Но если не хотите – есть посудомойка. Все просто, не надо ничего усложнять или испытывать стыд за то, что мама не признает, что машина может мыть не хуже рук, а иногда даже лучше.

– С-с-со-о-офа! – Ваня почти дымился, как чашка только что налитого чая.

– Я за нее, – я чуть фривольно не замурлыкала.

Сейчас я чувствовала себя уверенно – контролировала ситуацию. Не то что в ресторане.

Я знала, что думает Ваня. Что меня нельзя подпускать к клиенткам.

Да я сама это знала, поэтому работала, так сказать, дистанционно. Мои демоны не давали мне проявлять себя по-другому.

Но сегодня меня, несмотря на весь опыт и профессионализм, несло. То ли паническая атака так повлияла, то ли Ваня, но мне так хотелось раскатать лодку равновесия гуру любви и перевернуть его в море чувств. Чтобы он наконец снял с себя этот костюм все понимающего мэна и показал настоящего себя.

А то, что при клиентке и с ее помощью, – ну да, некрасиво. Потом буду жалеть и раскаиваться. Завтра.

– Я хочу ее послушать! – Клиентка потянулась ко мне всей душой.

Я подарила кипящему Ване довольную улыбку.

– Милая, я хочу сказать о том, что ты не должна примерять на себя образ мам и бабушек. Это так же глупо, как пытаться писать на бересте и плыть в Америку

четыре месяца на корабле, – только для альтруистов и извращенцев. Сейчас другое время, другие технологии, другие возможности. Женщина в безопасности. Может работать, путешествовать, любить сколько угодно раз в любых проявлениях, реализовываться, и если у нее нет потребности продолжать род, то и не надо.

– Софа, если бы все женщины стали так думать, человечество вымерло бы. Убить институт брака – это убить себя. – Ваня прострелил меня пулей взгляда и повернулся к клиентке. – Вы же пришли сюда не для того, чтобы еще раз для себя уяснить, что свободная женщина, а понять, почему вас это гложет. Почему вы сливаете хороших мужчин, как только речь заходит о браке. Почему официальный союз кажется вам поражением, провалом.

Клиентка мотала головой, переводя взгляд от меня к гуру.

А я сложила руки на груди. Знала, что меня занесло. Знала, что девушка пришла с другой проблемой. Знала, что, смотря на клиентку, говорила с гуру.

Я встала и посмотрела на Ваню.

– Сбегаешь?

– За кофе из автомата внизу. Говорите спокойно.

Нельзя быть настолько непрофессиональной, чтобы втаскивать в противостояние клиентку. Нельзя. Она уйдет, и мы поговорим.

– Не исчезай, Софа. Нам нужно обсудить современные штучки...

Клянусь, я сейчас видела выражение лица мощного доминанта, желающего доказать, что живого мужика ничего не заменит!

Я кивнула, закрыла дверь и навалилась на нее с той стороны.

Нет, я видела этот голод в глазах. Пока Ваня смотрел на меня как на клиентку, которую нужно спасти от панической атаки, я могла говорить. Но сейчас он посмотрел на меня как на женщину, которой он собирался что-то доказать.

Нет уж! Кофе и домой, говорить с Лизой! Я верю, что она обязательно все объяснит.

Глава 3

– Я знала, что ты меня поймешь! Такая умная женщина, как ты, просто не могла не раскусить меня! – Лиза похлопала меня по ладони, лежащей на столе, а у меня создалось ощущение, будто она тесто скалкой раскатывает: моя рука так же становилась тоньше.

– Но зачем? Ты же знала, как мне будет плохо! – Я отдернула руку, но не нашла взглядом понимания на лице подруги.

Как она не осознает, что сделала? Как не видит, что чуть не убила меня этим? Мне проще выдержать десять ударов рукой, чем одну паническую атаку. Уж ей ли не знать!

– А если бы я сказала, то ты пошла бы на это? А так получилось как нельзя лучше! Ты же знаешь, что я прекрасно анализирую, поэтому просто поверь: по-другому мы бы к этому Ване не подобралась.

– Лиза, я не верю, что ты могла сознательно пойти на это. Ка-а-ак? Ну как ты догадалась? Ты знаешь, через что я прошла сегодня? Ты... ты та, кто... – я задохнулась словами, которые застряли в горле и так и не смогли выйти, пришлось проглатывать обратно, давиться невыраженными чувствами.

Я не могла смотреть Лизе в лицо. На что угодно: на любимый диван, телевизор, красивую вазу с фруктами, ночник в виде обезьянки, – но только не на подругу.

– Соф, ну ты чего? Все же позади. Ты выдохнешь, успокоишься и поймешь, что это был самый лучший способ. Я сыпалась на ужине с Ваней, безбожно сыпалась, Соф. Он раскрыл меня на первых пяти минутах – я видела! – но ни слова не сказал. А у нас какая цель? Стать номером один!

– Но не по головам же идти? Тем более по своей собственной! – Я вскочила на ноги и пошла за стаканом воды. Хотелось брызнуть в лицо Лизе, чтобы она очнулась, но я выпила залпом, громко поставив стекляшку на стол.

– Не стучи ты так! Если захочешь убить меня через неделю, я сама шею подставлю. Ты пойми: нам не получить его иначе, чем показав правду и превратив конкурента в клиентку! Только так мы его сможем одолеть!

– А если я не хочу побеждать?

– Что? Софа? Я тебя не узнаю! Ты разве ради второго места выбралась из той задницы? Разве ради этого не спала ночами, вытаскивала девочек из беды? Чтобы какой-то Ваня отобрал у тебя это место?

– Мне и на втором месте ничего не мешает вытаскивать девочек, Лиз. Зато сама я буду спать спокойно ночами.

– Да? А если очередная несчастная девочка пойдет не к тебе, а к нему, потому что он первый? А он нагородит ей про патриархат, про подчинение мужчины? И потом поздно будет, все. Ты сама лучше всех знаешь, как бывает.

Я отвернулась к окну. Огни столицы, дорогие машины, семьи на прогулке по Бульварному кольцу. В этом ярком городе столько больных душ, но моя сейчас горела ярче всех, изнывала воспоминаниями.

– Ну, прости меня, Соф. Это единственный выход. – Подруга обняла меня сзади и положила голову на плечо.

По коже поползли мурашки холода.

Не знаю, что я хотела от Лизы. Искреннего раскаяния? Нет! Понимания? Она и так понимала, что делала.

– Знаешь, я так надеялась, что ты скажешь, что твой дневник украли. Или что нас подслушал кто-то и воспользовался информацией. Я поверила бы, правда. Как бы нереально это ни звучало, я не усомнилась бы, что это так. – Я отодвинулась так, чтобы Лиза меня не касалась.

– Так я не вру. Неужели мы поругаемся из-за этой мелочи? Давай лучше проработаем план, как разделаемся с этим гуру любви! Я тут нарыла об одной его клиентке, которая теперь в центре помощи матерям-одиночкам. Не хочешь посмотреть? – Лиза достала дело из сумки.

Я покосилась на тонкую коричневую папку и покачала головой.

– Не сейчас.

Сначала я себя в порядок приведу, потом уже другим помогать буду.

– Ее зовут Лола. Она приехала в нашу страну с двумя детьми, скрываясь от мужа-тирана. И знаешь, что сделал Ваня? Он ее сдал!

Я сжала кулаки.

Пока в душе моей мрак, я не могу сама сеять свет.

– Потом, – пробормотала, еле разжимая зубы.

Лиза схватилась за телефон и охнула:

– Хотела об этом рассказать тебе завтра, но это не терпит! Нужно спасать девочку!

– Лолу? – тихо спросила я, собираясь послать одну Лизу на спасение.

– Нет! Перед нашим свиданием с гуру любви пришел запрос о домашнем насилии. А теперь девочка еще раз написала. Ей нет и шестнадцати!

Я выхватила у Лизы телефон и прочитала текст письма.

Мрак в моей душе стал еще гуще.

– Таких уродов нужно убивать, потому что они выходят и снова берутся за свое.

- Ты говорила с мамой? - Я сидела напротив девушки в толстовке. Капюшон надвинут так, что не видно половины лица, а сама она так елозила на стуле в кафе, что казалось, вот-вот убежит.

- Да. Нет. - Девушка опустила голову, посмотрела мельком на выход.

Я еле уговорила ее на встречу, но знала, что по-другому не получится. Общественное место, полное студентов, должно было ослабить ее тревожность, но Милена все равно нервничала.

- Насколько ты была пряма? Говорила, что делает отец? - Я подвинула заказанное пирожное ближе к девушке, но она воинственно его оттолкнула

- А она не видит? - Губы девушки сомкнулись в одну линию. Я слышала, как стучит под столом ее нога.

- Что ты говорила маме?

- Что уйду из дома. - Девушка нахохлилась, словно воробей, глядя на меня с вызовом.

- А мама? - Я не собиралась ее критиковать.

- Сказала, что я эгоистка. Что они с отцом делают все для меня, а я неблагодарная. Что мои репетиторы стоят дорого, что они работают на меня, а я так себя веду, - пробурчала Милена, глядя в сторону выхода.

- Не верит тебе, потому что у тебя нет синяков?

Девушка перевела на меня пораженный взгляд, повернулась ко мне всем телом, и я продолжила:

- А ты не можешь сказать прямо, потому что боишься ее обидеть?

- Да. - Милена даже руки из карманов вынула.

- Что послужило стимулом обратиться к нам? Ведь что-то случилось, что ты узнала. Ты написала, что твой отец уже был в браке... - Я смотрела без жалости, без сочувствия. С пониманием. Это то, что нужно. Просто знать, что тебя понимают.

- Я встретила со своей сводной сестрой, - Милена посмотрела прямо на меня и замолчала.

Больше ничего не надо было объяснять.

- Она первая завела разговор, потому что испытала то же, что и ты?

- Да. Она старше и подсказала мне, что есть службы помощи, я могу быть анонимной. И что ее мама плакала вместе с ней, когда узнала... - Девочка поежилась, оглядываясь и хмурясь. - Я не думала, что окажусь здесь один на один с вами.

- Разве не лучше поговорить лично с тем, кто прошел через подобное?

Милена хлопнула глазами, осмотрела меня с острых кончиков туфель на шпильке до ухоженной макушки.

- Не может быть!

- Может. И я научу тебя, как этому противостоять, потому что это ненормально. Неправильно. Так не должно быть.

- Вы... он... вас...

- Только морально. Я боялась показать нос из комнаты и сходить в туалет. Одевалась в несколько слоев одежды, а на семейных вечерах прятала ноги под стулом.

Милена не мигая смотрела на меня.

- Мой отец запрещает надевать мне юбки. - Девушка закусил губу.
- Прикрывается заботой о здоровье и безопасности?
- Да. И покупает мне вещи. И белье... Я знаю, что не имею права его ненавидеть, но ненавижу...
- Ты имеешь право голоса, право на защиту своего тела. Ты имеешь все права, Милена, и не лишай себя сама ни одного из них! Сейчас я тебе расскажу, как мы работаем, а потом ты скажешь, хочешь ли ты, чтобы мы тебе помогли, или нет.
- А мама? - Губы девочки дрожали. - Я не хочу, чтобы она страдала.
- Мы сделаем все максимально мягко. Без твоего согласия ничего не будет. Ты выслушаешь меня?
- Д-да.
- Камеры поставь так, чтобы были незаметны. Не провоцируй, веди себя естественно, а то только себе навредишь. Хорошо? - Я передала все необходимое в небольшой косметичке.
- Руки Милены тряслись, когда она взяла у меня "тroyанского коня".
- Мы можем остановиться в любой момент, когда ты скажешь. Я не задам вопросов. Даже если уже все будет отснято.
- А кто увидит эти записи?
- Там флешки, вся информация будет храниться на них. Если ты передумаешь, то просто выбросишь их или очистишь. Только аппаратуру попрошу вернуть, если не против. Она жуть какая дорогая и нужная. - Я мимолетно коснулась руки девушки.
- Конечно. - Милена кивнула, опустив голову, крепко-крепко сжала косметичку и бросила на меня просящий взгляд.

- Если ты сомневаешься в своем поступке - ты уже хорошая дочь. Мы обязательно с тобой посмотрим вместе отснятый материал, и я тебе честно скажу, что вижу лично я. Как тебе?

- Да. Да, хорошо, - как болванчик закивала головой девушка, ежась.

Ей было не по себе - оно и понятно. И все последующие дни съемки материала она жутко сомневалась, постоянно была со мной на связи, но никогда не говорила действительно о том, что наболело.

Общаясь с ней, я вспоминала себя и думала: что было бы, если бы в один момент меня тоже поддержали? Что, если бы не случилось то, что случилось? Как бы сложилась моя жизнь и жизнь мамы и...

Звонок оборвал мои мысли. Незнакомый номер.

- Да?

- Далеко за кофе ходите, а говорили, что на первом этаже. Я уже и с поисковой бригадой прошел, и с собаками - не нашел. Может, вы где-то под плинтусом? - Ванин голос я не спутала бы ни с чем.

- Да, там, в углу, поищите получше.

- А не хотите выползти на чашку чая?

- Обсудить прогресс в индустрии секс-игрушек? Нет, спасибо, - отрезала я.

Любила я так бить сразу в глаз: куча вопросов отпадала, да и собеседник с лопаток пока поднимется, там и я уже соображу, что делать.

- София, ну вы же не такая, какой хотите показаться.

- Думаете, что знаете меня? Хотите сделать из меня клиентку?

- Друга, Софа, просто друга. Как прошел разговор с Лизой?

Я замолчала.

– Сомневаетесь в ней? А она хорошо врет, вот только поступки краше слов. Не хотите поделиться?

– Нет, я занята, простите! – И пока Ваня не успел вставить свои два слова, я выпалила: – Хорошего вечера.

И повесила трубку.

Знаю, что только что подтвердила догадки гуру любви. Знаю, что сама дала повод думать, что не справляюсь с ситуацией с Лизой.

Но я действительно не справлялась! Я не была всесильной, особенно с людьми, которые находятся в ближайшем кругу. Самых родных и близких мы готовы оправдывать в своих глазах всеми правдами и неправдами.

А спустя два дня мы полностью собрали кейс для мамы Милены. С девочкой мы дважды пересмотрели все, записали все факты, и я увидела, что она смелеет. Когда эмоции владеют нами, мы часто не можем рассуждать здраво, сомневаемся в себе. Но когда факты написаны на бумаге, то все куда как проще.

Мой учитель говорил: нет на бумаге – нет нигде.

И это работает.

– Милена, ты согласна показать все это маме?

– Да, – она отвечала часто односложно, все море невысказанных слов плескалось в глубине глаз девушки.

– Отлично. Завтра я подойду к ней после работы и попрошу уделить мне немного времени.

– Мне надо прийти?

– Нет. Первой реакцией твоей мамы будет отрицание – так работает наш механизм защиты, и ты можешь сорваться, не выдержать этого. А твоей маме нужно самой дойти на медленном огне внутренних рассуждений до всего.

– Ладно. – Челюсть Милены, казалось, свело от напряжения, а взгляд стал загнанным.

– Не представляй ничего. Не накручивай себя. Сейчас ты находишься уже в сжатом кулаке, его можно только раскрыть.

– А если мама не поверит? Если... перестанет со мной разговаривать? Б-б-бросит меня?

Я содрогнулась, сглотнула вязкий ком прошлого.

– Судя по информации о ней, такое маловероятно. Но даже если случится самый худший сценарий, твой мир не рухнет: я держу небосвод. – Я улыбнулась девушке, не видя перед собой ее лицо.

Я видела свою боль двадцатилетней давности.

– Я вас слушаю. – Мама Милены смяла ремень сумки так, что заскрипел кожзам.

Она сидела за столиком с настолько ровной спиной, что хотелось поднести уровень и посмотреть, насколько она идеально перпендикулярно полу.

Опрятная женщина с усталым взглядом – таких тысячи. Напряженный взгляд по сторонам говорил о том, что женщина редко бывает в заведениях, а до меню так вообще боится дотронуться.

– Черный чай пьете? Не против Эрл Грея? – спросила я, и женщина сдержанно кивнула, косясь на подходящего официанта.

Я сделала заказ, не обременяя его лишним.

– Я здесь только потому, что Милена попросила. Но так и знайте, я все записываю на телефон. Так что если вы мошенница, то нам лучше на этом и распрощаться.

– Отлично. Я рада, что вы можете постоять за себя. Знаете, ваша дочь тоже воспользовалась этим правом и просит меня кое-что показать. Это важно для нее. Что скажете?

– И что это? Снова заграничный лагерь? Еще один кружок? Хоть бесплатный? Дома вообще не бывает! – Женщина опустила взгляд и тяжело выдохнула осуждение.

– Нет. А вы никогда не думали, почему она так хочет уйти из дома? – Я кивком поблагодарила официанта и разлила чай по чашкам.

На ум пришло, что я делаю так же, как Ваня. Невольно его скопировала, потому что сама обычно редко встречалась с клиентами. Это была работа Лизы, как моего официального “лица”.

– Типичный юношеский максимализм. Мы с отцом для нее динозавры. Никто ее не понимает, никто не любит.

– Взгляните на это. – Я протянула телефон с наушниками. – Нажмите на плей, когда будете готовы.

Женщина поджала губы, состроив недовольную гримасу, посмотрела на протянутый телефон и неуверенно его взяла.

К чаю она так и не притронулась.

Воспроизведение началось, и сначала лицо матери Милены не выражало абсолютно ничего. Потом легкая морщинка залегла на лбу, а после брови медленно поднялись. Лицо вытянулось, она стала чаще моргать, а потом, не досмотрев, сжала телефон в руках, стянула наушники и зло посмотрела на меня.

Отлично. Пусть лучше я буду сейчас бойцовой грушей, чем Милена. Я уже смогу это все выдержать, а вот девочка может и сломаться.

– Зачем вы пудрите моей дочери мозги?

– Вы видите там меня? – Я смотрела спокойно, тщательно следя, чтобы на моем лице и в жестах не отобразилась ни малейшая эмоция. Я должна быть как белый лист бумаги.

– Вы это подстроили? Настраиваете мою девочку против семьи? Так и знайте, что я могу пойти в полицию со всем этим.

– И как вы думаете, какая моя цель?

– Это лучше вам знать. – Женщина оглянулась по сторонам. – Привели меня сюда, тратите деньги. Что, девочку мою хотите кому-то продать? Не выйдет!

Женщина вскочила на ноги, и я повысила голос, глядя на чашку:

– Сядьте обратно, если не хотите лишиться дочери. И той, кто ее отнимет, буду не я, а вы.

Женщина сжала сумку так, словно хотела меня ей огреть, но так и не села. Стоит – и то ладно. Можно продолжать:

– А сейчас разберитесь в природе происхождения своей злости. Я ли это? Нет. Милена? Нет на самом деле. Вы злитесь на своего мужа, потому что тут любому понятно, что его поведение неправильное. И сейчас поворотный момент. Если вы совершите ошибку, то лишитесь не только мужа, но и дочери.

– Я никого не лишусь.

– С того момента, как вы это увидели и услышали, больше не может быть по-прежнему. Это точка невозврата. Я здесь, чтобы помочь Милене.

– Милене? А мне жизнь испортить?

Вот этого я боялась больше всего.

От слов этой женщины меня будто за волосы отволокло на двадцать лет назад. Мне тогда тоже шел шестнадцатый год, аккуратно как Милене. И моя мама тоже не признавала, что в семье что-то не так.

- Не все люди здоровы, - тихо произнесла я ту истину, к которой пришла совсем не так скоро, как хотелось бы. - Большинство из них даже не с тараканами, а с Годзиллами, которых только стоит выпустить в город, как они сокрушат все на своем пути.

- Что за бред вы несете? Вы из секты, да?

- Вы очень похожи на мою маму.

- Что? - оскорбленно дернулась женщина. - Да я вас старше максимум на десять лет!

- Не внешне. Позицией. И знаете, мы не общаемся.

- Да какое мне дело до вашей семейной жизни! Мне бы в своей разобраться.

- А вы хотите - разобраться? Или предпочитаете отвернуться, пока не настанет момент икс?

Женщина вся скукожилась, словно высушенный виноград, но цепкого взгляда не отводила.

Я продолжила:

- У моей мамы этот момент икс тоже настал. Когда она застала своего мужа с...

- Замолчите! - крикнула вдруг женщина. - Это ваша история, не моя. То, на что вы намекаете, просто бред сивой кобылы. Если не отстанете от моей семьи, я обращусь в полицию.

Я достала купюру и положила на стол. Специально подготовила наличку на случай, если придется спешно покидать заведение, не дожидаясь закрытия счета от официанта.

Больше здесь не о чем говорить.

Нет, возможно, будь это не так близко к моей истории, я смогла бы абстрагироваться и донести до женщины весь ужас будущего. Но я чувствовала, что сорвусь, не смогу быть профессионалом своего дела.

- Милена? - позвонила я, выйдя из ресторана.

- Что там? Что сказала мама? - я услышала, как сквозь голос Милены, натянутый как струна, доносятся звуки сильного ветра.

Жуткие мысли полезли в голову, и я сжала телефон сильнее.

- София, что там? Она не поверила, ведь так? - голос девочки дрожал.

Я открыла рот и закрыла. Снова открыла и почувствовала пустыню во рту.

- Все хорошо, - выдавила я, и закрыла глаза.

Подняла голову к небу и выдохнула отчаяние.

- Что она сказала?

Как я ей скажу, когда у нее ветер свистит в трубке? Да никогда!

Нет, как бы мне дурно ни было, я не могу уйти с минусовым результатом.

- Твоей маме нужно время. Она ругала меня, но не тебя. Мы еще немного повздорим, твоя мама переварит, и все будет хорошо, Милена. Я тебя не оставлю один на один с твоей проблемой.

- С-с-спасибо, - выдавила девочка и всхлипнула.

Я повесила трубку, опустила голову и стиснула зубы.

Софа, ты должна сделать это. Возьми себя в руки, ты же столько лет с этим работала. Со стороны ты бы живо сказала, что с этим делать, как сказать. Представь, что ты говоришь не ей, а Лизе.

Я развернулась на каблуках и влетела в ресторан, нашла глазами женщину, которая так и сидела, вцепившись в сумку и глядя пустыми глазами в пустоту.

Нет, пожалуй, я ошиблась. С ней еще можно работать!

Глава 4

Спустя два дня, когда стрелки часов сошлись на двенадцати ночи, в мою дверь постучали.

– София Леонидовна Ярина? – спросил мужчина в форме.

Второй полицейский маячил за его спиной, поглядывая на меня так, что букашки ползли по коже.

– Да. Что случилось?

Первой мыслью было, что у соседней что-то произошло. Помню, разули одну из машин во дворе, тогда тоже обходили квартиры и брали показания соседней.

– Знаете Милену Романову? – вопрос холодный, как и взгляд.

– Да. Что с ней? – Грудь сжало тисками.

Что с девочкой? Ее мать в итоге согласилась понаблюдать за мужем и не списывать все на детские фантазии. Милена только утром писала, что мама пакует вещи для них.

– Можем осмотреть квартиру? – уже на ходу отпихивая меня плечом, полицейский вошел в коридор и осмотрелся.

- Что вы себе позволяете?

- Где Милена? - спросил второй, преграждая мне путь к двери.

- Как где? Дома, наверное... - Меня осенило. - Она что, сбежала? Что с родителями? Мама же решила уехать от отца... - я так разнервничалась, что несла все подряд.

Почему-то в последнее время я сама напоминала себе собственную клиентку - нуждалась во взгляде со стороны и помощи. Но когда дело шло об этой бедной девочке, все мои цепи сдержанности разлетались на части.

- Никого! - заглянув даже под ванну, отчитался один полицейский.

- Где она? - повторил. - Что вы знаете о ее местонахождении?

- Я видела ее последний раз два дня назад. Мы списывались с утра, она собиралась с матерью уйти от отца. А-а-а... Вот в чем дело! Отец подал заявление в полицию, да?

- Вы вели несанкционированную съемку и тем самым вторгались в личную жизнь? - вопросом на вопрос ответил полицейский, и я упрямо поджала губы.

- Это было с согласия Милены. Я поступила так в целях защиты ребенка.

- Пройдемте в отделение, там разберемся.

- Хорошо. Дадите мне две минуты? Возьму документы и переоденусь...

Пока я собиралась, немного собрала мысли в порядок. Спросила:

- В какое отделение мы поедем?

- Самосвалова 11.

Я написала адрес Лизе и кратко о том, что случилось. Положила телефон в сумку, забрала зарядку и паспорт. Кажется, все.

Итак, ко мне пришла полиция. Я давала адрес Милене на случай, если понадобится, чтобы девочка знала, что у нее всегда есть место, куда прийти. Но откуда полиция узнала, что девочка может быть у меня?

– Скажите, отец Валерий Романов написал заявление или девочка пропала? Кто обратился в полицию? – Я заглянула в лицо более суровому полицейскому: он внулшал больше доверия.

– А что? – Молодой полицейский дерзко поднял брови. – Разве она не у вас?

– Это имеет большое значение и касается безопасности девочки. Если мать с отцом, то Милена в опасности.

– А я думал, что связаться с такими самоучками, как вы, – оказаться в опасности, – съязвил полицейский и получил толчок локтем в бок от старшего товарища.

Ага, значит, в курсе моей преподавательской деятельности. Интересно, они нашли информацию обо мне в вещах Милены или здесь что-то другое?

– Идемте! – поторопили меня толчком в спину.

– Просто скажите, мать с отцом или нет? – Я поправила ремешок сумки так резко, что молодой полицейский дернулся, будто я собиралась его треснуть.

– Мать с отцом, – хмуро сообщил полицейский постарше, и я резко обернулась к мужчинам.

– Милена в большой опасности!

– Мадам очевидность! – снова вставил свои пять копеек молодой.

Я сжала зубы, но при этом уже стояла твердо на ногах. Когда кто-то в беде, это приводит меня в боевую готовность.

– Вы не понимаете. Если мать с отцом, если сообщения мне с утра отправляла не Милена, то она либо сбежала сама, либо ее заперли родители, а решили подставить меня.

– Преступники всегда кричат о том, что невиновны, – криво улыбнулся молодой.

– Следи за словами, – шикнул на него старший и вежливо обратился ко мне: – Пройдемте в отделение, во всем разберемся. Вы дадите показания, и мы обязательно все выясним.

– Это она запудрила мозги моей девочке! – указала на меня пальцем мама Милены.

Мы сидели в кабинете с дежурными. Напротив – семейка Романовых в неполном составе: отец и мать девочки.

А я смотрела на мужчину и думала, как другие не видят демона в его глазах. Он же смотрит прямо из черных колбочек зрачков. Все его морщинки: глубокие носогубные, лобные – указывают на то, что со злостью этот мужчина на ты.

Сидит напротив меня, ноги под столом вытянул, руки в карманы и смотрит. Смотрит так, будто хочет распять.

Не получится! Я уже переродилась из роли жертвы. Теперь я герой. А вот он – преступник. Треугольник замкнулся.

Я повернулась к полицейскому, делающему записи.

– Есть видеодоказательства неправомерного обращения вашего мужа с дочерью.

– Да? И где они? Покажите! – Женщина импульсивно ударила сумочкой по столу и покосилась на мужа. Посмотрела как карманная преданная собачка, которая визгом испугала прохожих и жаждет похвалы от хозяина.

Как мерзко!

- Тише, гражданка, - урезонил ее полицейский и посмотрел на меня. - Правильно ли я понимаю, что вы учите женщин соблазнять мужчин?

- П-р-р-ф! - фыркнул Валерий Романов и искривил один уголок губ так, что стали видны зубы.

- Не соблазнять. Я личностный тренер.

- Какие громкие слова! - женщина была невероятно словоохотлива. Не то что когда мы говорили.

Давно я так не ошибалась в людях. Очень давно... Не зря говорят, что нельзя работать с родственниками и знакомыми. Что нельзя брать истории, которые слишком созвучны твоему прошлому: можешь потерять компетентность.

- Мошенница она! Разводила на деньги! Как вас, глупых мужиков, обвести вокруг пальца и вытрясти все деньги. - Мама Милены работала с полицейскими, и я видела, как поощрительно поглядывает на нее Валерий.

Вот кто центр плана.

Полицейские заерзали на стульях. Им явно было неприятно слышать, что кто-то может использовать мужчин подобным возмутительным образом.

- Я учу людей полюбить самих себя, разобраться со своими монстрами и найти счастливое будущее.

- Монстрами?

- Да, иногда они не имеют формы, а иногда, как в случае с Миленой, его форма вполне очевидна. - Я посмотрела на Валерия, и тот медленно поднял тяжелый взгляд на меня.

Если бы силой мысли можно было убивать, уверена, он бы не медлил.

Но он еще уверен в себе, не доведен до предела. Собран внутри, но думает, что у него много путей выхода.

– Хорошо, что мы все здесь собрались, потому что у меня есть кое-что для вас. – Я достала телефон из сумки.

Я говорила Милене, что оригинал будет только у нее. Говорила. Но это ложь. Ложь во благо. Благодаря своей семье я совершенно не верила людям.

Я зашла в галерею и нашла нужный материал.

– Посмотрите.

– Ты должна была все удалить! – взвизгнула женщина, а Валерий дернулся вперед.

– Откуда вы знаете? Я говорила это только Милене, – я предпочитала не напрямую давить человека. Пусть его раскалывают стражи порядка. Так и они красавчики, и я ни при чем.

– Гражданка, вы говорили, что вам нечего бояться. Присядьте, позвольте нам ознакомиться с материалами. – Мужчин в форме явно насторожила реакция заявителя.

– Да она может что угодно сфабриковать! – Мать Милены вцепилась в плечо Валерия Романова и в панике рассматривала его каменный профиль. – Это ее профессия – людей дурить.

Я молча ждала, пока полицейский нажмет на стрелочку. Даже испытала легкое чувство ликования, когда лица стражей порядка вытянулись.

Вот Валерий Романов на кадрах держит дочь за подбородок и орет ей в лицо, а потом гладит по голове, прижимает к себе, рука опускается все ниже и ниже.

Вот семья на кухне. И отец семейства игриво щипает за филей сначала мать, потом дочь.

Вот Милена и Валерий одни в квартире, и он просит принести полотенце. Девочка открывает щелку, отворачивается и протягивает махровую тряпку. Что-то не так, и она вынуждена зайти, чтобы потом выскочить с красными щеками.

Вот Валерий садится за просмотр телевизора, кладет руку дочери на плечо, а сама кисть ложится на верхнюю округлость девочки.

– Довольно! – рыкнул полицейский. Он положил две руки на стол, а плечи мужчины будто свело спазмом. Да его всего трясло от злости.

– Там ничего такого нет! Это все детские фантазии! – воскликнула мать Милены, чем заслужила три гневных взгляда.

– Тогда я тоже нафантазировал, только не по-детски, – решительно встал полицейский. – Заведем уголовное дело, а там уже судья скажет. Он у нас без фантазии, чтит только букву закона.

Второй полицейский встал и достал наручники.

– Что это делается! Это из-за тебя, тварь! – взвизгнула женщина, испепеляя меня взглядом.

Арест – это хорошо, но куда больше меня волнует, где сейчас бедняжка. Я прекрасно представляю, что сейчас у нее на душе.

– Где Милена?

– Это у тебя лучше спросить!

– Вы ее нигде не спрятали?

– Надо было! Чтобы ты держалась подальше от нашей семьи! – Женщина бросилась на меня, но молодой полицейский вовремя ее перехватил.

– Можно я пойду? – Я встала, переступая с ноги на ногу.

Надеюсь, девочка пришла ко мне и ждет под дверью. Очень надеюсь!

Я взяла телефон и набрала ей. Абонент недоступен.

Дурной знак, очень дурной.

- Вы нам нужны...

- Милена... - начала я, и старший, заламывая руки Валерию, вдруг сказал:

- Идите. Мы вызовем вас в отделение для дачи показаний. Оставьте номер телефона, мы скоро присоединимся к поискам девочки с вашими данными.

Я благодарно посмотрела на мужчину и вышла из кабинета.

Привалившись спиной к стене, на моем пути стоял Ваня собственной персоной.

- Помощь коллеги нужна?

- Нужна. - Не было времени выяснять, как он здесь оказался. Но что-то мне подсказывало, что не зря я вижу здесь его, а не Лизу.

Не думала, что гуру любви окажется на пороге моего дома уже во вторую нашу встречу.

- Уютный жилой комплекс, - заметил Ваня, когда мы прошли проходную автоматическую зону. - Милену сюда пропустили бы?

- Да, я дала ей гостевой пароль, поэтому нам лучше сразу подняться наверх, - ответила и решила не упустить шанса узнать о мужчине больше. - А вы разве не в подобном живете? Думаю, доход у первого места личностных коучей неплохой.

- Я? Вы будете смеяться, узнав, где я живу, - поморщился Ваня.

- Неужели с мамой? - в ужасе - полупритворном, полунастоящем - я застыла.

– Долго с ней жил. Мое отделение далось ей нервным срывом, тонной слез, и теперь мы на связи три раза в день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/polunina_yana/guru-lyubvi-v-dele

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)